

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1930-е гг.

О. В. Бригадина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, brigadinaol@mail.ru*

В статье анализируются основные решения «жилищного вопроса» в 1930-е гг. в СССР. Представлена информация об условиях жизни рабочих, служащих и других категорий населения в коммунальных квартирах и иных формах жилья. Отмечается дифференцированный подход в решении данной проблемы и наличие в стране одновременно барачных и элитных домов для номенклатуры.

Ключевые слова: жилищный вопрос; коммунальная квартира; «уплотнение»; партийно-государственная номенклатура; элитные дома и государственные дачи.

LIVING CONDITIONS OF THE SOVIET POPULATION IN THE 1930s

O. V. Brigadina

*Belarusian State University, Nezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus,
brigadinaol@mail.ru*

The article analyzes the main solutions to the «housing issue» in the 1930s in the USSR. Information is presented on the living conditions of workers, employees and other categories of the population in communal apartments and other forms of housing. A differentiated approach is noted depending on these problems and the presence in the country of both barracks and elite houses for the nomenklatura (high-ranking party and state officials).

Keywords: housing issue; communal apartment; «densification»; party and state nomenclature; elite houses and state-owned dachas.

Повседневная история является достаточно новой и малоизученной областью исторической науки, но в последнее время всё чаще вызывает к себе большой интерес со стороны исследователей. Именно сквозь призму каждодневных бытовых проблем человеческой жизни и их подробное изучение и анализ можно проследить политические и экономические изменения, происходившие в обществе в определённый период времени. Объектом исследования истории повседневности становятся не экономические явления и политические процессы, а человек с его каждодневными проблемами: питания, одежды, жилья, занятости, труда, отдыха, морали и т. д.

В 30-е гг. XX в. для любого советского человека самым актуальным аспектом повседневной жизни был жилищный вопрос. С 1928 г. по 1932 г. городское население страны увеличилось на 44%. За пять лет число горожан возросло настолько же, насколько за предыдущие тридцать лет. Особенно это было заметно в Москве и Ленинграде. Об этом свидетельствуют материалы пленума ЦК ВКП (б) от 15 июня 1931 г. «...На

базе роста промышленности произошёл быстрый рост населения Москвы до 2800 тыс. человек в 1931 г. против 1618 тыс. человек в 1912 г., что составляет рост на 73%» [1, с. 313–327].

Несмотря на огромный прирост городского населения в СССР в 1930-е гг., жилищное строительство отставало в своём развитии. Большинство жилых зданий в городах после революции перешло в собственность государства. Распоряжались этим жилым фондом городские власти, которые определяли, сколько площади должно приходиться на каждого жильца квартиры. Эти – пресловутые «квадратные метры» – навсегда запечатлелись в сердце каждого жителя большого города. Так, например, в Москве в 1930 г. средняя норма жилплощади составляла 5,5 м² на человека, а в 1940 г. понизилась почти до 4 м². В новых и быстро развивающихся городах положение было ещё хуже: в Магнитогорске и Иркутске норма была чуть меньше 4 м², а в Красноярске в 1933 г. – всего 3,4 м². Одним из вариантов решения жилищной проблемы было так называемое «уплотнение» [2 с. 88]. Городские жилотделы имели право выселять жильцов – например, тех, кто считался «классовыми врагами», – и подселять новых в уже занятые квартиры. Квартира, занятая одной семьёй, могла внезапно превратиться в многосемейную или коммунальную. Причём новые жильцы, как правило, выходцы из рабочих и крестьян, были совершенно незнакомы старым жильцам и это становилось причиной конфликтов. Семья, первоначально занимавшая квартиру, не могла никуда переехать как из-за жилищного дефицита, так и из-за отсутствия частного рынка найма жилья. Этот вопрос подробно рассматривался на пленуме ЦК ВКП (б) от 15 июня 1931 г. «...за годы революции переселено в старые, благоустроенные дома, в которых жили буржуазно-зажиточные элементы с подвалов и кроватно-каморочных квартир больше полумиллионов рабочих и трудящихся...» [1, с. 335].

С конца 1932 г. после того, как вновь были введены внутренние паспорта и городская прописка, жителям больших городов требовалось иметь вид на жительство, выдававшийся районными отделами городских органов внутренних дел. В домах с отдельными квартирами обязанность регистрировать жильцов была возложена на управдомов и правления кооперативов, которые, следили за жильцами и работали осведомителями. В Москве и других крупных городах процветали всевозможные махинации с жильём: фиктивные браки и разводы, прописка чужих людей в качестве родственников, сдача в наём «коек и углов» по непомерным ценам «до 50% месячного заработка». В Москве в 1933 г. массовым явлением стало занятие

(под жильё) кочегарок, сторожек, подвалов и лестничных клеток. Самые лучшие связи и социальный статус часто ещё не гарантировали получения отдельной квартиры. В адрес местных, городских Советов и СНК СССР поступало много просьб и жалоб граждан на отсутствие подходящего жилья. Вот что писал в своём письме В. М. Молотову 36-летний ленинградский рабочий, пять лет проживший в коридоре: «Умоляю дать мне комнату или маленькую квартирку для построения в ней личной жизни, которая мне как воздух необходима...» [2, с. 123].

Обычный для советских городов 1930-х гг. тип жилья простых людей представляли собой коммунальные квартиры. Термин «коммунальный» нес в себе идеологический оттенок, вызывая в воображении картину коллективного социалистического общежития. Однако реальность разительно отличалась от этой картины. Большинство коммуналок в 1930-х гг. были не построены, а переделаны из старых отдельных квартир. Вот как описывается одна из таких квартир: «Водопровода в комнате не было; простынями или занавесками выгораживались уголки, где спали и сидели два-три поколения; продукты зимой вывешивались в мешках за окно. Общие раковины, уборные, ванны и кухонные приспособления (обычно всего лишь примусы, горелки и краны с холодной водой) располагались либо на ничейной территории между жилыми комнатами, либо внизу, в не отапливаемых, завешенных бельём сенях» [6, с. 168]. Каждая семья ревниво охраняла личное имущество. Строжайшим образом проводились «демаркационные» границы. Зависть и алчность процветали в замкнутом мирке коммуналки, где зачастую площадь комнат и размеры занимающих их семей не соответствовали друг другу. Семьи, живущие в больших комнатах, вызвали зависть тех, кто жил в маленьких. Это негодование служило источником множества доносов и судебных исков, целью которых было увеличить жизненное пространство доносчика или истца за счёт соседа.

Жизнь в коммуналке бок о бок с людьми разного происхождения, с самыми разными биографиями, чужими друг другу, но обязанными сообща пользоваться квартирными удобствами и содержать их в чистоте, без права на уединение, постоянно на глазах у соседей, изматывала большинство жильцов психически. Неудивительно, что сатирик М. М. Зощенко в своём рассказе «Нервные люди» о нравах коммуналки назвал её обитателей «нервными людьми» [3, с. 179]. Перечень сторон жизни коммунальной квартиры нашёл отражение в резолюции пленума ЦК ВКП (б) 1935 г., осуждающей «хулиганское поведение» в квартире, в том числе «устройство

систематических попоек, сопровождающихся шумом, драками и площадной бранью, нанесением побоев, оскорблений, угрозы расправиться, пользуясь своим служебным или партийным положением, развратное поведение, национальную травлю, издевательство над личностью, учинение разных пакостей (выбрасывание чужих вещей из кухни и других мест общего пользования, порча пищи, изготавливаемой другими жильцами, чужих вещей и продуктов и т. п.)» [2, с. 90].

Вместе с тем во многих воспоминаниях приводятся примеры о духе взаимовыручки, царившем среди их соседей по коммуналке и живших как бы одной большой семьёй. Большинство добрых воспоминаний о коммуналке относятся к воспоминаниям детских лет: дети, у которых частнособственнические инстинкты были менее развиты, чем у их родителей, часто радовались, что с ними живут их сверстники и им есть с кем играть, и любили наблюдать за поведением множества столь непохожих друг на друга взрослых. В своих воспоминаниях В. Г. Левина приводит описание быта в коммунальных квартирах в Ленинграде: «...при каждом доме была общественная прачечная с большими котлами для кипячения белья, корытами и т. п. В квартирах бельё не сушили, боялись сырости. Чердаки домов были разделены перегородками на секции с одним ключом для нескольких квартир. На верхней площадке нашей лестницы стоял огромный стол-каток для катания влажного белья перед глажением. Утюги были паровые, в которых красные угли подогревали ёмкость с водой, дающей пар; угольные – полые с продырявленными стенками для того, чтобы, покачивая утюг, можно было раздувать угли, лежащие внутри утюга; и сплошные чугунные, которые нагревались на огне до определённой температуры, обычно они работали в паре – одним гладили, другой подогревался» [6, с. 198].

В новых индустриальных городах чаще всего жильё и прочие коммунальные услуги представлялись предприятиями, а не местными советами. Таким образом, неотъемлемой чертой жизни в СССР стали «ведомственные городки», где завод не только давал работу, но и контролировал жилищные условия. Типична для многих советских городов была проблема жилья в Магнитогорске. 82%, жилплощади принадлежало главному промышленному объекту города – Магнитогорскому металлургическому комбинату. Обычно оно имело вид бараков или общежитий. В Магнитогорске в 1938 г. бараки составляли 47% имевшегося жилья, к этому следует прибавить 18% землянок, крытых дерном, соломой и обрезками металла, построенных самими жильцами [5, с. 85]. Как

правило, бараки состояли из больших комнат с рядами железных коек или поделенные на маленькие комнатки. В общежития обычно селили студентов, а также молодых неженатых квалифицированных рабочих и служащих. Американский писатель Джон Скотт, живший в 1930-е гг. в Магнитогорске, описал сравнительно «приличный» барак: «...низкое деревянное беленое здание, двойные стены проложены соломой. Крыша, крытая толем, по весне протекала. В бараке было тридцать комнат. В каждой жильцы установили маленькую кирпичную или железную печку, так что пока были дрова или уголь, комнаты можно было отапливать. Коридор с низким потолком освещался одной маленькой электрической лампочкой. В комнате на двух человек размером шесть на десять футов имелось одно маленькое окошко, которое заклеивали газетами, чтобы не дуло. Там стояли небольшой стол, маленькая кирпичная печка и трёхногий табурет. Две железные койки были узкими и шаткими. На них не было пружинной сетки, только толстые доски лежали на железном каркасе. В бараках не было ванн, водопровода. Кухня имелась, но в ней жила одна семья, поэтому все готовили на своих печках...» [2, с. 124].

Вопрос обеспечения жильём элиты советского общества решался иначе. 23 ноября 1917 г. В. И. Ленин лично записал в Постановлении СНК, что для наркомов «...квартиры допускаются не свыше одной комнаты на каждого члена семьи» [6, с. 38]. Необходимо отметить, что каких-либо ограничений на площадь жилища не устанавливалось. Получить квартиру в Кремле считалось престижным, но свободных было мало. Жители Кремля пользовались квартирами бесплатно. Апартаменты были довольно большими, но неудобными, комнаты в них в основном были проходными, с низкими потолками. Обычно кремлёвские квартиры состояли из спален, по одной на каждого члена семьи, столовой, библиотеки, кабинета-спальни для главы семьи. Такой, например, была квартира Сталиных. Она состояла из двух половин – «детской», на которой располагались четыре комнаты: спальни Василия и Светланы, общая столовая и библиотека, и второй половины, состоящей из анфилады комнат И. В. Сталина: комната адъютанта, столовая, библиотека, кабинет-спальня [7, с. 189].

Государственная элита получала не только квартиры в Московском Кремле и отдельные особняки, но и квартиры в домах высокой комфортности. Одним из них был «Дом на Набережной» по улице Серафимовича. Вот как он описывается очевидцами: «Здесь есть квартиры и маленькие, и очень большие, но все – просторные. И везде – почти одинаковые, крохотные кухоньки. Они не рассчитаны на то, чтобы готовить

пищу. Для завтраков, обедов и ужинов в доме была запланирована общая столовая. В квартирах горячая и холодная вода, холодильные шкафы, телефоны, грузовой лифт для мусора...» [5, с. 171]. Кроме известного дома на Набережной, в Москве было ещё несколько правительственных домов. Например, дом на улице Грановского или пятый дом Советов, находившийся рядом с кремлёвской столовой, кремлёвской поликлиникой, больницей и аптекой для членов партийно-государственной номенклатуры. «Правительственные» дома имели обширный штат obsługi, который, как правило, содержался за государственный счёт. Зачастую в доме располагался свой закрытый спецраспределитель и гараж. Квартплата составляла чисто условную сумму. Квартиры выдавались семьям государственных деятелей из расчёта одна комната на человека плюс кабинет и столовая или гостиная. Дома также обслуживал большой персонал, члены которого проживали там же. Одним из способов обеспечения элиты жильём стали жилищные кооперативы для работников определённых правительственных учреждений: ЦК, ОГПУ, армии, Наркомата иностранных дел, Наркомата тяжёлой промышленности и Союза писателей.

Помимо квартир в городе, членам партийной номенклатуры и их семьям полагались также государственные дачи. Они, как и квартиры, содержались за государственный счёт. В зависимости от ранга и заслуг, номенклатура получала загородные дома или виллы на курортах в Крыму и на Кавказе. У кого не было своего дома на курорте, т. е. стоявшие рангом ниже, пользовались ведомственными санаториями, домами отдыха. Отдых на госдаче или в санатории постепенно стал традицией практически для всех ответственных работников и их семей. Госдачей можно было пользоваться в течение всего летнего сезона. Находились они в удобно расположенном и обнесённом высоким забором дачном посёлке. Здесь специально были выстроены закрытые спецмагазины, спецстоловые, кино, библиотека, спортивная площадка. Плата за дачу была минимальной [7, с. 198]. Участки государственных дач представляли собой целые парки размером в несколько гектаров земли. Причём ухаживал за этими парками большой штат специально обученных садовников.

Советское государство в 1930-е гг. выстроило чёткую иерархию взаимоотношений. С учётом сокращения удельного веса рабочих — владельцев собственного жилья за годы первых пятилеток произошло ухудшение качественных характеристик жилищного фонда для большинства рабочих крупной промышленности СССР при заметном

улучшении квартирного благосостояния определённых представителей интеллигенции и партийной элиты. Существовала целая система привилегий для определённых слоёв советского общества. Люди делились на отдельные категории (рабочие, служащие, номенклатура), у каждой из которых был свой уровень жизни.

Библиографические ссылки

1. О московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР: Материалы пленума ЦК ВКП(б), 15 июня. 1931г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1929–1932 гг. М., 1984. Т. 5. С. 313–327.
2. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е гг.: город. 2-е изд. М: РОССПЭН, 2008.
3. Зощенко М. М. Рассказы. Фельетоны. Повести. М.: Высшая школа, 1979.
4. Левина В. Г. Я помню... Заметки ленинградки. М.: Нестор-история, 2007.
5. Утехин И. Очерки коммунального быта. 2-е изд. М., 2004.
6. О размерах вознаграждений Народных Комиссаров, высших служащих и чиновников: Постановление СНК, 23 ноября. 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.
7. Богословская М. В. Повседневная жизнь советской элиты в 1920–1930 гг. // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. М.: РГГУ, 2009.